

Александр Свешников

ОПЕРАЦИЯ "КВАДРАТ"

(пьеса – рефлексия)

Хроника одного вечера в 2-х действиях

6-ти картинах с Прологом и Эпилогом

Предисловие от автора

Эта пьеса основана на реальных событиях, связанных с происходившей в 1967 году по всему Советскому Союзу масштабной подготовкой к празднованию 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В ряду самых различных мероприятий было и обеспечение органами внутренних дел надлежащего правопорядка на улицах города. Но автора пьесы интересовал не сам факт проведения милицейской операции, а настроения, существовавшие на тот момент в разных слоях общества, только что пережившего «хрущевскую оттепель» и задававшегося такими вопросами, как свобода и необходимость, способы самовыражения, связь между психологией личности и межчеловеческими, общественными отношениями и так далее.

Написанная в начале 80-х годов, пьеса «дожила» до эпохи гласности и перестройки, то есть до времени, когда были сняты идеологические препоны для публичного выражения своего мнения. Автору в то время казалось (и не без оснований), что идея пьесы потеряла свою актуальность. Однако события, последовавшие с середины 90-х годов и до настоящего времени, во многом возвратившие Россию в эпоху тотального контроля над умонастроениями граждан, по мнению автора пьесы, вернули ее общественную значимость.

Главные действующие лица:

САША - студент-медик, 25 лет
АНАТОЛИЙ - инженер НИИ, 30 лет
ПЛАТОНОВ - бывший учитель, 40 лет
ФЁДОР - тракторист, 18 лет
ГЕНА - молодой рабочий, 20 лет
НИКОЛАЙ - рабочий, 35 лет
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ МИЛИЦИИ - 50 лет
ДЕЖУРНЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ - 30 лет

Остальные действующие лица:

ВАЛЕНТИН, ВИКТОР, ВОЛОДЯ - студенты
ЕВГЕНИЯ - инженер
СВЕТА - техник
КУЛИКОВ - начальник КБ
ГОГА - торговец фруктами
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ - агент по снабжению
РАИСА ПЕТРОВНА - воспитатель в общежитии
СЕРГЕЙ - рабочий магазина
ГОРНИЧНАЯ
"СИНЕГЛАЗКА"
ПЕРВЫЙ ДРУЖИННИК
ВТОРОЙ ДРУЖИННИК
ОБИТАТЕЛИ КПЗ
СЕРЖАНТ
ПРОХОЖИЙ
СПЯЩИЙ
ДЕВУШКА В МИЛИЦЕЙСКОЙ ФОРМЕ

*Действие происходит в центре большого города в сентябре
1967 года*

ПРОЛОГ

Прожектор высвечивает у левого портала телетайп. За ним девушка в милицейской форме. Слышен стук аппарата.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Внимание! Всем республиканским, краевым, областным, городским и районным отделениям внутренних дел. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» и приказом Министра внутренних дел о подготовке к достойной встрече 50-летней годовщины Великого Октября провести операцию под кодовым названием "Квадрат" с целью обеспечения надлежащего общественного порядка в городах и населённых пунктах, для чего сосредоточить усилия на выявлении нарушений, подлежащих наказанию по статье 206 УК РСФСР.

Ответственность за проведение операции возлагается на начальников районных отделений внутренних дел и их заместителей. О готовности к проведению операции доложить в 3-х дневный срок. Подпись министра внутренних дел.

Девушка отрывает телетайпограмму и, освещаемая прожектором, проходит по авансцене через дверь с надписью "НАЧАЛЬНИК..."

Включаются электронные часы, висящие над сценой. На часах - 17 часов 30 минут.

Сцена освещается. На сцене - декорация 1-й картины.

ДЕЙСТВИЕ 1-е

КАРТИНА 1-я

Участвуют:

САША - студент-медик

ВОЛОДЯ, ВИКТОР, ВАЛЕНТИН – товарищи САШИ по комнате

РАИСА ПЕТРОВНА - воспитатель

Обычная комната в студенческом общежитии: четыре кровати, тумбочки, стол посередине, стулья, шифоньер, полки с книгами. На стенах репродукции,

фотографии. В комнате трое: Володя, Виктор и Валентин. Володя готовит чай. Виктор и Валентин лежат на кроватях.

ВОЛОДЯ. Слушайте, братва, а где Македонский?

ВИКТОР. Лично я видел, как он после лекции шёл в столовку. Больше я его не наблюдал.

ВАЛЕНТИН. У меня сведения свежее: сытый на вид, как ни странно после нашего пищеблока, Александер шествовал по направлению к своей любимой кафедре.

ВОЛОДЯ. Ну-у-у, значит, это надолго. Он так часто туда заглядывает, что, мне кажется, однажды его отвезут с кафедры психиатрии прямо в психиатричку. Поверьте мне. Надо же так влюбиться в эту темнейшую из наук. Тут недалеко и до взаимности.

ВИКТОР. Но ведь он специализируется по ней. Тут всё ясно.

ВАЛЕНТИН. Ясно-то ясно. Но дело не в этом.

ВИКТОР. А в чём же?

ВОЛОДЯ. А ты как будто не знаешь? Что, первый год живёшь с нами? Или притворяешься?

ВИКТОР. Ей-богу, други, ни сном, ни духом. Вернее, кое о чём наслышан, но весьма приблизительно.

ВАЛЕНТИН. А точнее?

ВИКТОР. Да так, слухи всякие. Я думаю, сплетни. Их у нас, сами знаете, сколько.

ВАЛЕНТИН. Слушай, Витёк, или ты выложишь всё, как на духу, или я...

/поднимает над головой подушку/

ВОЛОДЯ. Подожди-ка */подходит к кровати Виктора, присаживается на край/*. Что за слухи?

ВИКТОР. Мне Ленка Шаповалова с педиатрического сказала, что у Сашки какая-то мировая идея. Я в подробностях не запомнил. Да и Ленка сама знает в общих чертах. Вернее, ни черта не поняла. В общем, якобы он хочет научно доказать, что сейчас почти все люди - душевнобольные.

ВАЛЕНТИН. А кто же - здоровые?

ВИКТОР. Таких, якобы, практически нет.

ВОЛОДЯ. Да-а-а, слухи есть слухи. Слышали звон, да не знают, где он - говорят в народе.

ВАЛЕНТИН. Ну, в конце концов, на слухи наплевать. Лишь бы кто-нибудь не накапал вот таким образом куда надо. Только испортят Сашке жизнь.

ВОЛОДЯ. Это точно. А идея мировая у него!

ВИКТОР. Так что за идея?

ВОЛОДЯ. Видишь ли, Македонский хочет разгадать механизм человеческого взаимонепонимания. Он исходит из того, что это - результат патологических изменений в общественном организме.

ВИКТОР. Как это?

ВОЛОДЯ. Он имеет в виду прежде всего не индивидуальную, а социальную

психологию. Патологические изменения в общественной жизни, по его мнению, неизбежно должны привести к необратимым изменениям в психологии индивидуальной. Во всяком случае, происходит совсем не то, о чём думали психологи и политики 20-х годов, считая, что социальные катаклизмы, вызванные революцией, мгновенно повлекут за собой благотворные изменения в отдельной личности. Получилось же совершенно обратное: стремление сбить всех в одну кучу обернулось дегуманизацией личности и общественной разобщённостью.

ВИКТОР. Слушай, а за это не...?

ВОЛОДЯ. Вполне может быть. Но ведь его теперь не остановишь... без милиции. И потом, всё дело в том, к какому результату он придёт в своей работе.

ВАЛЕНТИН. Я не думаю, что к утешительному. И вот почему. Факт разобщённости сегодня налицо? Налицо. Так. Далее. А что мы делаем, чтобы преодолеть её? Почти ничего. Значит: постепенная нравственная деградация личности, вымирание социально активного человека, исчезновение понятия "инициатива". А отсюда, как следствие, - усиление пороков. Пьянство ширится и углубляется. Люди "звереют", замыкаются каждый в своей скорлупе примитивных мещанских интересов и удовольствий. Искусство - высший тип общения - превращается в пустую забаву, времяпровождение. Массовая культура в виде потрясающе глупых, бездарных песенок уже поглотила не одно молодое поколение. А что дальше - трудно сказать.

ВИКТОР. Да, картину ты нарисовал страшную. А может быть, не всё уж так плохо? А?

ВАЛЕНТИН. Я и не говорю, что всё плохо и безнадежно. Отнюдь. Но надо что-то делать. Срочно.

ВИКТОР. Что же?

ВОЛОДЯ. Надо дать возможность таким, как Македонский, проявить свои способности. Надо выслушать их, поверить им.

ВИКТОР. А что, таких ... много?

ВОЛОДЯ. Не сомневайся - их предостаточно. Но мы их не видим за всеми нашими современными шаблонами и схемами, в которых мы погрязли по уши.

ВИКТОР. Но ведь мы что-то делаем, стараемся исправить, боремся с недостатками,

ВОЛОДЯ. Это всё нужно, но – этого мало! Нужны принципиальные изменения в отношениях между людьми. Одними беседами, например, не искоренишь пьянство. Надо уничтожить социальную причину. А она - в духовном убожестве многих людей.

ВИКТОР. А как же с Сашкиной теорией?

Входит Саша.

ВАЛЕНТИН. А вот и Македонский! Сейчас он сам тебе расскажет про это. Ему только дай повод - не остановится. Сашок, садись пить чай.

САША. Спасибо, парни, не откажусь. Во рту пересохло после дискуссии с Олегом Петровичем.

ВОЛОДЯ. Что за спор у вас вышел с уважаемым специалистом в области общественных отношений?

САША. Сейчас расскажу, вот только промочу глотку. */пьёт чай/*

ВОЛОДЯ. Да, видно крепко вы с ним поговорили, если даже у тебя, заядлого полемиста, пересохло в глотке.

САША */говорит, прихлёбывая чай/*. И не говори. Но дело здесь, пожалуй, не в форме, а в другом...

ВАЛЕНТИН. В ЧЁМ ЖЕ?

САША. Весь фокус, други мои, в том, что говорили-то мы на разных языках.

ВИКТОР. Так это понятно. Доронин - кто? Доцент, кандидат наук, да ещё каких - философских с медицинским образованием! А у тебя, насколько я помню, по общественным дисциплинам всегда были четвёрочки. Вот так-то. Отсюда - вывод.

ВОЛОДЯ. Чего ты плетёшь? Какой вывод? Ты мне лучше назови хоть одного, кто у нас серьёзно интересуется этими науками.

ВИКТОР. Э-э-э... Например, Беляев */загибает палец на руке/*.

ВАЛЕНТИН. Тоже мне – пример. Да он карьерист, этот твой Беляев. Для того и в комитет пролез. Спит и видит себя в высоком чине.

ВИКТОР. Затем... */мучительно думает/* Ага! Хорошилова.

ВОЛОДЯ. Ещё смешнее. Да ведь её пятёрки – от зубрёжки, а не от повышенного интереса.

ВАЛЕНТИН. Слушай, Витька, кончай нам голову морочить своими примерами. Мы без тебя прекрасно знаем, кто чем интересуется.

ВОЛОДЯ. Ладно, парни, хватит об этом. Лучше давайте послушаем Македонского. Расскажи, Сашок, что там было.

САША */встаёт, ходит по комнате/*. Значит, дело было, други мои, так.

Прихожу я на кафедру к шефу, а у него гости: Олег Петрович и доцент Резников.

ВАЛЕНТИН. Кто таков?

САША. Психолог. Так вот. Вошёл я, поздоровался шёпотом и сел в сторонке, чтобы не мешать. Слышу, они спорят о чём-то. Даже меня и не заметили. В общем, увлеклись. Я - ушки на макушке - и сижу, как мышь. Часа полтора так и просидел.

ВОЛОДЯ. О чём же они спорили?

САША. Да всё о том же: где граница между умом и безумием.

ВИКТОР. У кого? У человека?

САША. Естественно. Но не только у отдельного индивидуума, а и в социальном плане.

ВАЛЕНТИН. Так ведь это твоя тема!

САША. В том-то и дело! Я, как говорится, с корабля да на бал. Сижу - не дышу.

ВОЛОДЯ. Ну и ...

САША. Смысл таков: Олег Петрович ставит знак равенства между общественной психологией и общественным мнением и говорит, что мнение общества прямо вытекает из особенностей социально-психологического процесса.

ВАЛЕНТИН. Допустим, но напрашивается вопрос: а в чём конкретно выражается общественное мнение?

САША. Ты прав. Вот здесь-то и начались разногласия. У Олега Петровича оно закрепляется в средствах массовой информации в виде размышлений "умнейшей" части общества. А далее - распространяется на остальных, так сказать, простых смертных.

ВОЛОДЯ. Элитарный подход: группа избранных, "высоколобых" учит чернь жить. Мы это уже где-то слышали и читали. А что же народ, выходит, не может иметь своего мнения?

САША. Отнюдь. Он может через те же средства массовой информации выразить своё мнение и, в конце концов, выражает, но главную роль всё же играют, как сказал Валентин, "высоколобые". Это мнение опять же Доронина.

ВИКТОР. Молодец, мужик. Всё оно так и есть и не иначе.

ВАЛЕНТИН. А мне сдаётся, что эти рассуждения справедливы лишь в одном: они отражают существующее положение вещей, но далеки от того, что должно быть в идеале. А потому констатирую: Олег Петрович топчется на месте и живёт задами.

САША. Положим. Но послушайте, други мои, что думает на сей счёт Резников - психолог.

ВОЛОДЯ. Стоп, Сашок! Я на минуту перебею тебя, чтоб покончить с одним. У меня вопрос ко всем: как же всё-таки народ сегодня выражает своё мнение?

ВАЛЕНТИН. Я точно не знаю, но в одном уверен - сложно.

ВОЛОДЯ /к Саше/. А ты как думаешь?

САША. Я пока, если можно, промолчу.

ВОЛОДЯ. Можно, конечно. А ты, Виктор?

ВИКТОР. Пусть лошадь...

ВОЛОДЯ. Ну ладно, я выскажусь. Всё очень просто, в принципе: народ выражает своё мнение умнейшим и хитрейшим способом. Умнейшим - потому что почти художественно. Хитрейшим - потому что анонимно, если хотите - конспиративно. Ну, догадались?

ВАЛЕНТИН. Что-то, наверное, связанное с фольклором. Да?

ВОЛОДЯ. Почти угадал. Ну? /Пауза/ Эх, вы! А ответ-то простой - в анекдотах.

САША. Пожалуй. Хотя, сам знаешь, иногда так выразит...

ВОЛОДЯ. Точно. Но ведь в этом и сложность такого выражения мнения. Только учти одно: в конце-то концов, это мнение всегда оказывается самым верным и справедливым.

ВИКТОР. А вот мне недавно рассказали анекдот: у одного жена уехала в командировку, а муж привел домой подругу. И только они легли в кровать — стук в дверь...

ВАЛЕНТИН /перебивает/. Опять ты за своё. Вот уж такие анекдоты никак не выражают народного мнения.

ВОЛОДЯ. Ладно, с этим пока хватит. Пусть Сашок продолжает рассказ.

САША. Так вот. А Резников считает, что общественное мнение – это результат исторического развития общественной психологии. Это, так сказать,

современное её выражение.

ВАЛЕНТИН. Совершенно верно! От того, как будет развиваться общественная психология, зависит и качество общественного мнения. Тут всё ясно.

ВОЛОДЯ. Пожалуй. Ну а если, Сашок, применить тезис Резникова к конкретной общественной практике, то что же получится?

САША. Собственно, об этом-то и пошёл дальше разговор у нас.

ВИКТОР. У кого это - у вас?

САША. Так я-то тоже подключился,

ВИКТОР. Ну ты и молодец: не побоялся со светилами...

САША */смущённо/*. А чего мне бояться. Слава богу, третий год сижу на этой проблеме.

ВАЛЕНТИН. Действительно. Это ты у нас, Витёк, трус. Только и можешь, что с паршивенькими рефератиками выступать на семинарах. А на большее тебя не хватает.

ВИКТОР. Каждому - своё. А я выступлю раза два-три, смотришь — и "автомат" есть. Плохо, что ли?

ВОЛОДЯ. Хорошо, хорошо, успокойся. Каждый устраивается, как может. Сашок, давай, рассказывай дальше.

САША. Я ведь, други мои, не сам вступил в разговор, а через шефа. Он меня подозвал, говорит: вот, мол, молодой человек, хотя и будущий врач-психиатр, но очень интересуется этой проблемой. Тут мне Резников сразу вопрос: а в каком аспекте? Я же возьми и ляпни: свобода и необходимость.

ВАЛЕНТИН. Что, не подумал, что ли?

САША. Да нет, просто у меня давно в голове этот вопрос, но я им глубоко ещё не занимался, а тут как-то пришлось к месту. Думаю: а что они могут сказать про это. Ну и вырвалось. И всё.

ВОЛОДЯ. Ну и...

САША. Ну и началось. Они мне: интересно, интересно, расскажите в двух словах. Я и отчеканил, как сумел: во-первых, говорю, я согласен с Вами (киваю в сторону Резникова) полностью. А во-вторых, говорю, считаю, что у нас нет общественной психологии. То есть она, может быть, и есть, но как бы со знаком минус. А отсюда - какой может быть разговор об общественном мнении. Его тоже по-настоящему нет. Есть мнения отдельных лиц, но они, эти мнения, никому не известны, так как они никак не выражаются.

ВАЛЕНТИН. Это становится совсем интересным.

ВОЛОДЯ. А они что?

ВИКТОР. Ясно - что. На заметку - и со всеми вытекающими.

ВАЛЕНТИН. Ты помолчишь или нет. Вот зануда!

САША */не обращает внимания на реплику Виктора/*. Доронин мне: нет, Вы ошибаетесь, молодой человек. И опять начал про газеты. А я молчу, слушаю. Потом говорю: ведь мы с вами, Олег Петрович, на разных языках разговариваем. Как, впрочем, и на семинарах. А он мне: лучше готовиться надо к занятиям, тогда и язык будет одинаковый.

ВАЛЕНТИН. Нет уж, вряд ли.

САША. Ну вот. Резников мне: а как же со свободой? А я ему: пока что и её нет. Нет её - нет и возможности выразить своё мнение. Откуда же в таком случае взяться общественному мнению. Мы - мертвецы. Нас никто не хочет слушать. В нас нет необходимости. В результате - у нас большая общественная психика. Причём, давно. Может быть, мы и выздоравливаем, но крайне медленно, так как общественная болезнь нескольких поколений перешла в болезнь психики индивидуальной.

ВОЛОДЯ. Я представляю, как они на тебя смотрели.

САША. Нормально смотрели. Внимательно. Только шеф спросил: а где выход-то, Саша? Есть, говорю, выход, Илья Ильич - и очень простой.

ВАЛЕНТИН. Какой же?

САША. Опубликовать, говорю, всё то, о чём мы сейчас говорили и о чём говорят на эту же тему сотни других. Только на кухнях. Пусть по-другому, но говорят.

Входит Раиса Петровна.

РАИСА ПЕТРОВНА. Здравствуйте, мальчики!

ВСЕ. Здравствуйте! Проходите! Садитесь!

РАИСА ПЕТРОВНА. Спасибо, но я буквально на минуту. Сегодня у нас в красном уголке диспут на тему "Свобода у нас и у них". Приходите. Вы ведь у нас самая "умная" комната. А то опять никого не будет.

ВАЛЕНТИН. А из преподавателей кто будет?

РАИСА ПЕТРОВНА. Доцент Доронин Олег Петрович. Он-то и предложил эту тему.

Ребята переглянулись и рассмеялись.

РАИСА ПЕТРОВНА. Вы что это?

ВОЛОДЯ. Да так, ничего особенного, Раиса Петровна.

РАИСА ПЕТРОВНА. Ну, так что же, придёте?

ВИКТОР. Я - обязательно. У меня есть реферат на эту тему.

ВОЛОДЯ. Я не смогу. Обещал приятелю быть у него.

ВАЛЕНТИН. А я - подумаю.

РАИСА ПЕТРОВНА. А Вы, Саша?

ВИКТОР. Он - уже диспутировал сегодня...

САША. Да ладно ты... Не надо... Не знаю, Раиса Петровна, Может быть, и приду.

РАИСА ПЕТРОВНА. Выручайте, мальчики, приходите обязательно, кто сможет. */В дверях/* Побегу дальше по комнатам, агитировать.

ВОЛОДЯ. Ну, мне пора. */Уходит/*

ВИКТОР. Пойду Беляеву скажу про диспут. */Уходит/*

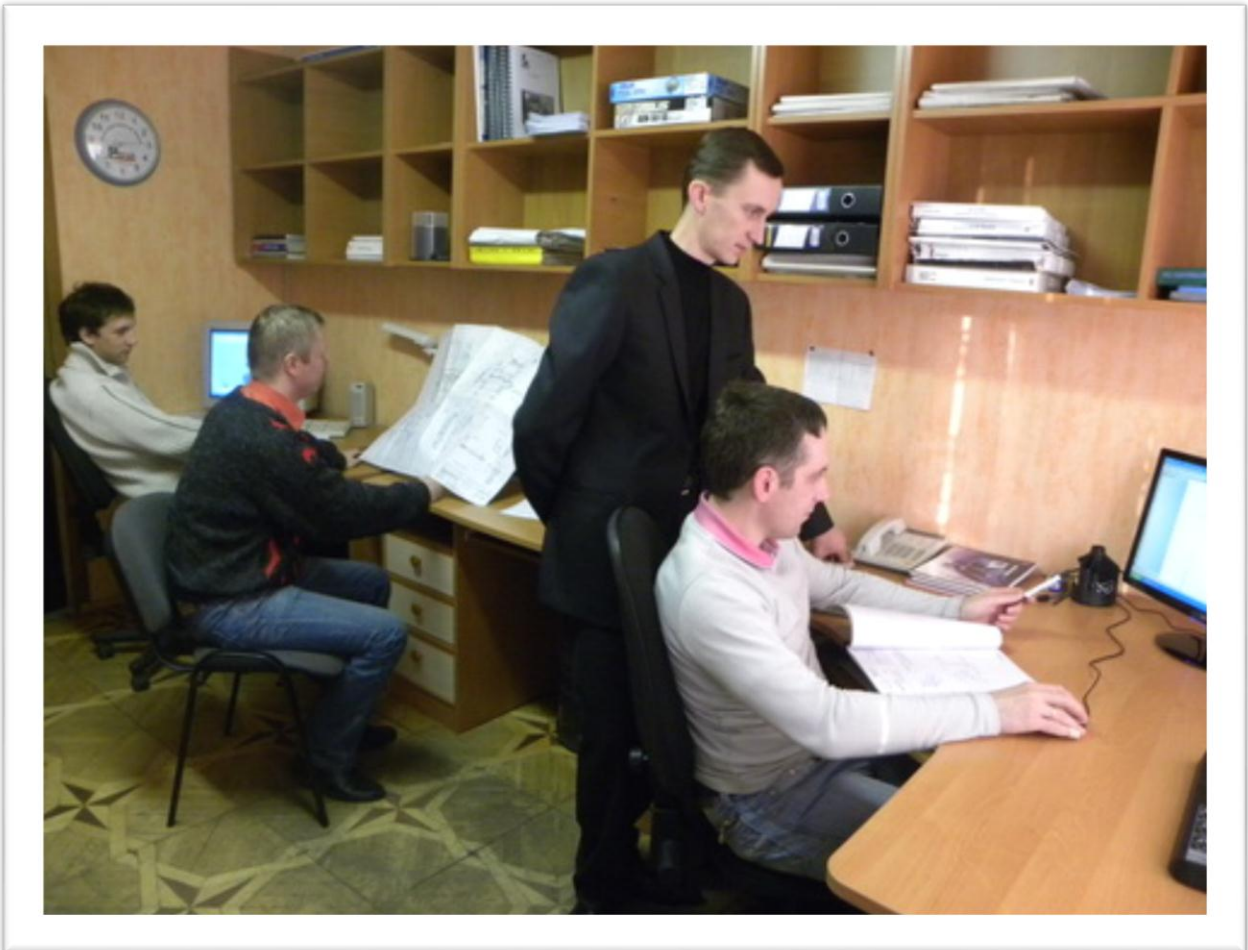
ВАЛЕНТИН. Пойдёшь?

САША. Да нет. Лучше погуляю. Настроение скверное. Пойду - потолкаюсь по

проспекту - авось полегчает. /Уходит/

Валентин остаётся один. Подходит к окну. Задумчиво смотрит в окно. Потом садится за стол, открывает книгу. Что-то пишет. Останавливается, потом продолжает писать.

Гаснет свет.

КАРТИНА 2-я

Участвуют:

АНАТОЛИЙ - инженер

ЕВГЕНИЙ - инженер

СВЕТА - техник

КУЛИКОВ - начальник КБ

Комната конструкторского бюро, уставленная двумя чертёжными досками /кульманами/, шкафами с чертежами и справочниками, четырьмя столами. Кульманы стоят так, что мы видим сидящих за ними Анатолия и Евгения. За столом сидит Света. До того, как зажжётся свет на сцене, нам видны электронные часы, продолжающие отсчитывать время.

АНАТОЛИЙ */смотрит на часы/*. Ну, на сегодня хватит, а то мы и так перегружаем копировщиц работой.

СВЕТА. Берите с меня пример, мальчики. За успехом не гонюсь и новую повесть одолела сегодня.

ЕВГЕНИЙ */не отрываясь от чертежа/*. Что за вещь и о чём - доложи-ка начальству, дабы оно было в курсе, с пользой или во вред тратишь ты золотое рабочее время вместо того, чтобы составлять спецификацию?

СВЕТА */в тон ему/*. С пользой, с пользой, друг мой. А что касемо работы, то, во-первых, она не Алитет, а во-вторых...

Входит Куликов. Пауза.

АНАТОЛИЙ. Так о чём всё-таки повесть-то? А, Света? */Он серьёзно заинтересован/*

СВЕТА. Если в двух словах, то - о любви.

ЕВГЕНИЙ. Старо, как мир, а следовательно – скучно. Сейчас век мемуаров. А о любви классики уже всё сказали, и - лучше не скажешь.

АНАТОЛИЙ */перебивает/*. Подожди, балаболка. Тебе только бы и делать, что отрицать - Базаров нашего времени. */Свете/* А если не в двух словах?

СВЕТА */пожимает плечами/*. Я ещё, конечно, не совсем разобралась, но вещь, по-моему, что надо!

КУЛИКОВ. А как, ты говоришь, название повести?

СВЕТА. Вот */показывает всем страницу журнала/*. Рекомендую.

КУЛИКОВ. Я читал. Хорошая вещь. Только там не просто про любовь, а и про ... картошку. */Все смеются/* Шучу, конечно.

ЕВГЕНИЙ */смеётся громче всех, наигранно/*. Вот-вот! Не выкинешь в окошко! Я так и думал. Ох, уж эти мне писатели: накрутят, навертят - сами запутаются и других в смущение введут, а потом мучайся, как Света: вроде и про любовь, и вроде про что ещё. Смехота, да и только.

КУЛИКОВ */как бы размышляя вслух/*. Эта повесть о том, чего нам в жизни очень не хватает. Вот смотрите: человек сыт, обут, одет, а счастья нет. Почему? Потому что счастье не только в тебе самом и не столько в тебе самом. Как сделаться счастливым - каждый более или менее представляет. Но многие и не догадываются, что для этого нужно меньше всего думать о себе. Проще говоря, нужны мостики между людьми - духовное взаимопонимание, что ли.

СВЕТА. Но ведь там и про любовь много. Они же любят друг друга, а почему-то расстаются...

КУЛИКОВ. Верно, Света. Но ведь автор и говорит, что мало одной физиологии, нужно что-то большее, чего так и не смогли эти люди дать друг другу. Не было мостиков. И дело, по-моему, здесь не в любви, не только в ней, а - вообще во всех нас.

ЕВГЕНИЙ. Бред какой-то! Какие ещё там мостики? Живёшь - и живи. Каждый – себе. А что до людей, то ведь всё равно все мы связаны — материально.

/Дальше с расстановкой/ Жить в обществе и быть свободным ... Верно? Вот так-то!

АНАТОЛИЙ */взволнованно/*. Упрощаешь, Женька! По-твоему, значит, у людей нет никаких моральных обязанностей друг перед другом? Только: ты - мне, а я - тебе - и столько же, не больше. Так?

ЕВГЕНИЙ. Не кипятись, старик. Конечно, есть: не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего и т.д. и т.п.

АНАТОЛИЙ. Ты прав, но это крайности. Тут и спорить не о чем. Мы-то о другом толкуем. Вот представь: живёт человек - не убивает, не грабит, даже не злоупотребляет спиртным, работает хорошо - в общем, государство им вполне довольно. А человек этот - одинок. Почему так?

ЕВГЕНИЙ. Как - одинок?

АНАТОЛИЙ. Одинок со своими мыслями. Таких много, а как найти друг друга? Ты знаешь?

СВЕТА. Кто ищет, тот всегда найдёт!

КУЛИКОВ. Да-а-а, если знаешь, с чего начать поиски,

АНАТОЛИЙ. Не кричать же на улице: кто хочет помыслить со мной на двоих.

ЕВГЕНИЙ. Не знаю, как на двоих, а на троих - сплошь и рядом. Каждый день наблюдаю.

КУЛИКОВ. Да, это тоже проблема. Кстати сказать, она имеет прямое отношение к тому, о чём мы толкуем.

СВЕТА */удивлённо/*. Как это?

КУЛИКОВ. А вот как: человек, нищий духом, и нравственно убог. Все его интересы сводятся к примитивным занятиям, вроде бесцельного гуляния по проспекту или выпивке. А пользоваться благами культуры он просто не научен. Это духовный мертвец - и не больше.

ЕВГЕНИЙ. А что мы делаем, чтобы оживить его?

АНАТОЛИЙ */усмехнувшись/*. И много, и мало. Мы много организовываем, открываем, планируем, проводим, а о конкретном человеке часто забываем. Мы стрижем всех под одну гребёнку, хотя любому ясно, что нужен индивидуальный подход.

ЕВГЕНИЙ. Ну, это сложно, если не сказать – невозможно. Что ж, к каждому поставит по воспитателю, что ли?

АНАТОЛИЙ */горячо/*. Да нет же! Необходимо одно: создать такие условия, чтобы каждый человек чувствовал себя свободным, творчески свободным. Чтобы не висел над ним дамоклав меч запретов, условностей, оглядок.

КУЛИКОВ. Возможно ли такое сегодня?

АНАТОЛИЙ. Нет, пожалуй, но надо идти к этому, поставить, как цель.

Пауза.

СВЕТА. Так как же всё-таки насчёт мостиков?

КУЛИКОВ. Я утверждаю: здесь нужен научный подход, организация, разумная организация отдыха, а не та стихия, о которой мечтает Анатолий. Сейчас не то время, чтобы обходится без науки.

ЕВГЕНИЙ. Наука, наука! Я ни с кем из вас не согласен. Человек должен быть хотя бы духовно независимым. Он должен сам решать, как ему проводить, к примеру, свой досуг. А вы что предлагаете? Один, видите ли, мечтает о кокой-то

сверхкоммуникабельности, построенной на абстракции. Вы, Владимир Иванович, считаете, что достаточно что-то там организовать - и всё пойдёт как по маслу. Так? И оба вы не правы, я считаю.

АНАТОЛИЙ. Что же ты-то предлагаешь?

КУЛИКОВ. Да он просто анархист: каждый, мол, делает, что хочет. Так, мой милый Женя, мы пойдём назад, к каменному веку.

ЕВГЕНИЙ. Анархия здесь не при чём, Я исхожу вот из чего: коллективизм, каким он был пятьдесят лет назад, канул в вечность, Ну, если не туда, то, во всяком случае, надолго, до следующих катаклизмов, С этим-то вы хоть согласны?

КУЛИКОВ. Допустим.

АНАТОЛИЙ. Это уже интересно,

ЕВГЕНИЙ. Далее. Новый тип общения складывается не из непосредственных связей между людьми, не из проживания в коммуналках и гуляния группами под ручку, не в хоровых спевках, а из внешне незаметных контактов между людьми - и только между теми, кто стал личностью, ощутил и осознал своё место в этом мире.

СВЕТА. А как же в любви, Женька? Тоже каждый сам по себе?

ЕВГЕНИЙ (*с пафосом, наигранно*). "У любви, как у пташки крылья..." В этой области человеческих отношений, многоуважаемая Светлана, всё проще и сложнее. То, о чём я проповедую, как раз и выводит это в своей основе плотское чувство на высоту истинно человеческого, духовного общения. Но – любовь не вечна, а скоротечна. Остаётся долг, привычка, наконец, уважение. А можно ли уважать не личность, а серость?

СВЕТА. Как так - не вечна?

ЕВГЕНИЙ. Вот так: не вечна - и всё тут. И толковать не о чем. Блажен, кто верует, но рано или поздно ... */Проигрывает на губах фразу похоронного марша/*

СВЕТА. Ты циник, Женька! И ... не любил, наверное, никогда.

ЕВГЕНИЙ. Увы, мой друг, не раз и не два-с, но, к счастью, не Вас. Не дай-то бог! Как раз такие всё дело-то и портят.

СВЕТА. То есть?

АНАТОЛИЙ. Перестань, Евгений!

ЕВГЕНИЙ. Один момент, Толик, и я кончу. Слушай, Света: такие, как ты - полные иллюзий - рано или поздно лишаются их. Но пока доживут до истинного понимания жизни, испортят её и себе, и кое-кому из окружающих. Слава богу, что не все такие.

КУЛИКОВ. Вот это философия! Но ты уклоняешься от темы. Каким же всё-таки ты видишь идеал отношений между людьми?

ЕВГЕНИЙ. А с каких это пор любовь исключена из этой области?

АНАТОЛИЙ. Твоя точка зрения на неё нам теперь ясна вполне. И потом любовь - это слишком конкретно. Нужен другой уровень.

ЕВГЕНИЙ. Мне, пожалуй, больше нечего добавить к вышесказанному, уважаемые товарищи. Только одно: я за свободное, самостоятельное, ничем не стесняемое развитие личности. В этом я вижу и прогресс того, что вы называете

коммуникабельностью.

КУЛИКОВ. Просто и ... не ясно. Всё, о чём ты толкуешь, давно сказано другими и отвергнуто третьими. Это не решение проблемы, а уход от неё.

СВЕТА. Так как же всё-таки найти друг друга?

ЕВГЕНИЙ. Кому? Кого?

СВЕТА. Ну, например, настоящую любовь.

ЕВГЕНИЙ. Ага, со знаком качества. Опять ты за своё! Как ты не можешь понять, что любовь - область стихии. Там нет ничего запрограммированного. Там ничего нельзя предсказать - как нельзя предвидеть начало тайфуна. В общем, как снег на голову.

КУЛИКОВ. Ты отстал от жизни. Тайфуны предсказывают. Правда, не всегда. Хотя нельзя не согласиться с тобой насчёт стихийности любви. Тут всё именно так: любовь не выбирает, когда сводит людей. Это мы потом сами начинаем, к сожалению, раскладывать по полочкам свои чувства. Это иногда и необходимо, но подчас - просто глупо.

СВЕТА. Как же узнать, когда нужно вот так, раскладывать, а когда - нет?

КУЛИКОВ. Рецептов нет. Это слишком индивидуально. Всё постигается на собственном опыте, так сказать, в рабочем порядке.

ЕВГЕНИЙ. Ну что, съела?

СВЕТА. Проглотила! Но твоя, Женя, философия, всё же никуда не годится. Тем более, раз уж это так индивидуально. Она годится лишь для твоей индивидуальности.

КУЛИКОВ. Ого! Молодец, Света! Вот это укусила!

АНАТОЛИЙ. Но мы опять ушли от темы. В чём же всё-таки сегодня проблема общения? Или её нет совсем?

КУЛИКОВ. Почему же нет - есть, конечно,

ЕВГЕНИЙ */чеканно/*. Проблема общения сегодня - это проблема независимого становления и существования отдельной личности.

АНАТОЛИЙ. Но ведь это не общение, а разобщение!

ЕВГЕНИЙ. Совершенно верно, но лишь на первый взгляд. Если же ты дашь себе труда посмотреть поглубже, то увидишь, что только таким образом протягиваются те самые мостики между людьми, коих вы с Владимиром Ивановичем так жаждете.

АНАТОЛИЙ. Ты, Женька, несёшь идеалистическую чепуху, а мы - материалисты. Вот ты нам и растолкуй, в чём конкретно проявляется это объединение.

ЕВГЕНИЙ. Боюсь, что не смогу, но я чувствую, что так должно быть.

АНАТОЛИЙ. Ну, с тобой всё ясно. Сразу бы так и сказал, а то городил, городил огород, а на поверку - пшик с маслом.

ЕВГЕНИЙ */слегка раздражён/*. А ты сам-то как думаешь. Тоже ведь больше вокруг да около ходишь!

АНАТОЛИЙ. Тут ты, пожалуй, прав. Я, действительно, не могу предложить ничего конкретного, кроме своих догадок. Но у меня очень сильное ощущение, что все мы и каждый в отдельности связаны по рукам и ногам чем-то,

сковывающим нашу инициативу, самостоятельность, творческие силы, в конце концов.

КУЛИКОВ. И это пахнет жадной анархии, Толя.

АНАТОЛИЙ. Да нет же, Владимир Иванович! Я так и думал, что буду обвинён в этом. Но я о другом. Наверное, это утопия, но я мечтаю об обществе, где всё было бы естественно и красиво, как в природе: отношения между людьми, науки, искусства, быт и прочее. Конечно, и там была бы борьба, но борьба, так сказать, с самим собой, за самосовершенствование.

КУЛИКОВ. Так ведь в принципе человечество именно туда и стремится. Ты на верном пути, друг мой!

АНАТОЛИЙ. Я это знаю, что все туда стремятся. Но что сделать, чтобы путь этот был максимально короче?

КУЛИКОВ. Очень просто. Через научную организацию жизни общества и каждого человека. Сначала нужно организовать людей, приучить их к этому, а потом развязывать руки. Пока же мы не готовы к этому ни материально, ни морально.

ЕВГЕНИЙ. Опять узда, опять хомут! Освободите вы человека, ради бога, чтобы он максимально проявился - во всём. А вы его загоняете в свои дурацкие мероприятия, организованные по какой-то науке!

КУЛИКОВ. Ну, мальчики, ваши точки зрения, кажется, начинают сближаться. Вы оба ратуете за неограниченную, то есть за абстрактную свободу, не так ли?

АНАТОЛИЙ. Я протестую! Свобода, о которой говорит Женя, - это опасно. Она развязывает руки и сомнительным элементам. Я же мечтаю о свободе для людей, достойных быть свободными, для людей мыслящих, творческих. Их у нас очень много, но общество мало знает о них, потому что пока нет условий, чтобы эти люди заговорили в полный голос.

ЕВГЕНИЙ. Это мечты не о свободе истинной, а о свободе для элиты, для избранных. Истинная свобода - это свобода для всех...

СВЕТА */перебывает/*. Уже конец рабочего дня. Пора и честь знать. */встаёт, начинает собирать сумочку/*

КУЛИКОВ. Вот вы, братцы, плачетесь за свободу, а давайте спросим, например, Свету: чем она, свободный человек, займётся сегодняшним вечером?

ЕВГЕНИЙ */игриво/*. А ну-ка, Светланочка, доложишь шефу, признайся, так сказать, в будущих прегрешениях.

СВЕТА */слегка жеманно/*. Мне нечего скрывать от Вас, Владимир Иванович. Как отцу родному, доложу, что сегодня по причине предвыходного дня идём с подружками на танцы. А дальше видно будет.

КУЛИКОВ. Так ведь дальше - ночь?

СВЕТА. Вот именно. Всё покрыто мраком ночи и неизвестности. */Смеется, скрывается за дверь/*

АНАТОЛИЙ. Вот вам первый образчик "организованной свободы", организованного отдыха. Соберутся несколько сот молодых людей, в основном подвыпивших и, заметьте, комсомольцев, и будут добросовестно утаптывать и без того плотный пол под ногами. Затем затеется драка, возможно, с

кровапролитием, приедет милиция. Будет о чём вспомнить.

ЕВГЕНИЙ. Может быть, ты знаешь места получше? Так подскажи ей.

АНАТОЛИЙ. Лучше - не знаю, особенно для неё, а вот хуже - сколько угодно.

КУЛИКОВ. Бросьте, ребята! Сколько кружков, секций и прочего, а вы - хуже!

Просто не знаете, не ищите, не хотите.

АНАТОЛИЙ */многозначительно/*. Знаем, Владимир Иванович, всё знаем.

/Евгению/ Кстати, а ты, дружище, куда забросишь сегодня свои анархические кости, если не секрет?

ЕВГЕНИЙ. Какой уж там секрет! Занятие, правда, не из самых благородных, но уголовно не наказуемо - покер. Но это только по пятницам.

КУЛИКОВ. А ты, Анатолий?

АНАТОЛИЙ. Я, как обычно, совершу вечерний моцион по проспекту, потолкаюсь среди народа. Тоже общение, хоть и бессловесное. А потом домой, к телевизору. Как никак - окно в мир.

Все поднимаются, прощаются за руку с Куликовым. Анатолий и Евгений уходят. Куликов опускается на стул и задумчиво смотрит им вслед.

Гаснет свет.

КАРТИНА 3-я

Участвуют:

ПЛАТОНОВ — бывший учитель
ФЁДОР - тракторист
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ - агент по
снабжению
ГОГА - торговец фруктами
ГОРНИЧНАЯ

*Комната в гостинице: четыре кровати, стол посередине, стулья вокруг стола.
За столом трое – Платонов, Сергей Иванович и Гога. Играют в "дурака".*

ГОГА. Паслушай, дарагой, эсли ты будэш мухлэвать эщё, я сдэлаю из тэбя шашлык. Панял?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Брось, Георгий, не кипятись. Он просто не умеет играть. Да и я, признаться, не больно-то и силён, хоть всю жизнь по гостиницам. Чаще-то в "очко" приходилось. Бывало, по целым ночам резались: к двенадцати часам карман раздуется, а к утру - ветер гуляет.

ПЛАТОНОВ. Да что ж, так ни разу и не повезло?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет, почему же, иногда и везло. Но чаще - нет. Я в карты невезучий какой-то.

ПЛАТОНОВ. Значит, в любви - полный успех.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Какой там успех. Один смех. Нашего брата-снабженца порядочные женщины, как огня, боятся. А эти подстилочки-то мне и задарма не нужны. Насмотрелся я на них.

ГОГА. Ладно, Сэрожа, сдавай. Ты, дарагой, зра плачешса. Парядачная баба сэйчас - рэдкый чэлавэк. Толко у нас и асталыс. И то патаму, что мы ых вот гдэ дэржым /показывает кулак/. Жэнщина далжна знат свае мэста. Тагда ана будэт чэлавэк и твой друг.

ПЛАТОНОВ. Да разве дружбу-то кулаком...?

ГОГА. А ты как думал? Толка так. Какой же эта сэмья, эслы двэ галавы?

ПЛАТОНОВ. Вот дикость. Прямо Домострой да и только.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. А ты женат?

ПЛАТОНОВ /усмехнувшись/. Был, да весь вышел... Разошлись мы... Как в море корабли. /задумался о чём-то своём/

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ /участливо/. Что ж так-то?

ПЛАТОНОВ. Да так как-то... Характерами не сошлись.

ГОГА /Сергею Ивановичу/. Ну ты будэш сдавать ылы нэт, кацо?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ /бросает колоду/. Да ну их, надоели уже!

Входит Фёдор, с чемоданом.

ФЁДОР. Здорово были, мужики! Где здесь четвёртое место?

ГОГА. Ха, вот и четвёртый!

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. А вон, у окна. Располагайся.

Все с интересом рассматривают Фёдора.

ФЁДОР */Поставил чемодан у кровати, подошёл к столу, протянул руку/.*

Фёдор. Колхоз "Вперёд".

ГОГА. Гэоргый. Куда, гаварышь, калхоз?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ */Руку подаёт молча/.* Ну что пристал к человеку. Вперёд так вперёд. Лишь бы далеко не оторваться, А то придётся потом тормозить.

ПЛАТОНОВ. Юрий. Вы их не слушайте. Они - шутники большие.

ФЁДОР. Да я и сам пошутить могу,

ГОГА. Садыс, Фёдар, с намы в "дурака", а то тут у нас адын */Смотрит на Платонова/* затаскавал шибка. С женой рассталса. А ты как с женой?

ФЁДОР. Никак, я ещё не женатый.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Да ну? Молодец! И не торопись, Федя, в ярмо. Успеешь ещё натягаться,

ФЁДОР. Торопись не торопись, всё равно - девок-то нет в деревне.

Разбежались, иху мать, все по городам, Как-будто их кто пугнул.

ПЛАТОНОВ. Не пугнул, а поманил. А приехал-то зачем? В командировку?

ФЁДОР. За запчастями. Трактора стоят. Мне пред говорит: езжай, мол, Титов, всё равно и твой будет стоять. Вот я и поехал. Завтра пойду, может, получу.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Ишь ты, шустрый какой. Так тебе там и приготовили.

Держи крепче, не роняй. Набегаешься.

ФЁДОР. А я не буду бегать. Нет - так нет. Я этому делу не обучен. Так и сказал преду: не дадут, иху мать, - сразу вернусь.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Не гони ... лошадей! Попробуй сначала.

Гога что-то сказал на ухо Платонову. Тот вышел.

ГОГА. Так, гаварышь, дэвка нэт? Как жыт?

ФЁДОР. Живём. Летом студенты наезжают, сезонники. Вот зимой совсем хреново. Кино да вино.

Входит Платонов с несколькими бутылками вина.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. А вот и оно - легко на помине.

ГОГА. Как ты, Сэрожа, мэна учыл: пэй вино - и всо прайдот!

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Точно. Наливай.

ФЁДОР отходит к своей кровати, потом возвращается с бутылкой беловатой жидкости.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Ого, вот это да! Никак - первач?

ФЁДОР. Он самый. Пред говорит: возьми на всякий случай, если тормознут с запчастями-то - подаришь. Так что ли? А?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Так-то оно так, да не больно. Им спирт подавай - ректификат.

ФЁДОР. Эх ты! У нас такого добра не водится.

ПЛАТОНОВ. Да нет, может, и получится, по-моему, как экзотический продукт. Да, вполне возможно. Они ведь самогона наверняка давно не пробовали. Так что вполне могут и клюнуть.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. И много гонят у вас этой ... дряни?

ФЁДОР. Где там - много. Если, там, свадьба или ещё что большее — делают. А так — нет. А зачем: её, водки-то, в магазинах - залейся. Иной раз, иху мать, хлеба не бывает по нескольку дней, а это не переводится. Я и говорю: кино да вино. Вот и живём.

ПЛАТОНОВ. Живём - это да-а-а! Я вот через неё-то, голубушку, и жену потерял, можно сказать,

ГОГА. А гаварыл - характэры?

ПЛАТОНОВ */несколько с досадой, переговаривая/*. Гаварыл! Все так говорят... на суде, когда разводят. Стыдно ей было признаться перед людьми, что муж пьяница, вот и сказала - характерами, мол, не сошлись. А там, в суде, тоже не дураки сидят. Как посмотрели на мою физиономию, сразу всё и поняли.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. И шибко закладывал?

ПЛАТОНОВ. Постепенно. Сначала ещё и на работе держали...

ГОГА. Гдэ работал-та?

ПЛАТОНОВ. В школе, учителем.

ГОГА */присвистнул/*. Да-а-а, дэла твая - труба. Там этага нэ лубат.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Этого нигде не любят. Надо меру знать. А мы, русские, как? Льем её, матушку, пока не потонем. Потом - "караул!" — а уже поздно.

ГОГА. Лэчылся?

ПЛАТОНОВ. Было дело... Три раза... А потом опять... Как вспомню про детишек, как жили раньше - сердце занает, занает и ...

ФЁДОР. А где сейчас-то работаешь?

ПЛАТОНОВ. Тоже */кивает в сторону Сергея Ивановича/*, по этой же линии. Толкачём, то есть. Противно: унижаюсь, угощаю.,.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, работка у нас не сахар: и пыльная, и не денежная. Но без нас вся промышленность остановится. Факт. Есть среди нашего брата такие спецы, что самого чёрта достанут и привезут, если надо. А ты, Юра, в нашем деле ещё новичок. Ничего - притрёшься, научишься.

ПЛАТОНОВ. Нет уж, вряд ли. Характер у меня неподходящий для такой работы. Слабый. Я и пью-то по слабохарактерности. Другой причины и нет.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Причин-то много. У каждого - своя.

ГОГА. Ты, Юра, апят пра характэр: то характэрамы нэ сашлыс, то пьош ыз-за харатэра. А я вот, сыльный чэлавэк, а тожа выпываю - и нэ мала. Как эта панат?

ПЛАТОНОВ. Тут и понимать нечего. У тебя других интересов-то и нет, как только подороже продать и выпить. Твоё счастье, что пить вы умеете, не заливаетесь по самую пробку, как наш брат.

ГОГА. А кагда работал в школэ - ынтырэс был?

ПЛАТОНОВ. Был, да ещё какой. Я географию преподавал. Кружок у меня был. Ходили с ребятами в походы, музей в школе сделали... Вот была жизнь.

Оглянуться было некогда.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Но пить-то начал - с чего же? Интересная ведь жизнь-то была, говоришь.

ПЛАТОНОВ. Чёрт её знает... Как-то всё сошлось в одночасье. В школе нелады начались.

ГОГА. С началствам?

ПЛАТОНОВ. И с ним, и с коллегами... Вы ведь школу-то не знаете. А это страшная, я вам доложу, штука - современная школа.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-а-а, дети пошли - атомные. Это точно.

ПЛАТОНОВ /горячо/. Да не в детях дело. Дети - всегда дети. Это ещё древние говорили. Конечно, трудные, смелые, часто до наглости. Все беды семейного воспитания приносят в школу. Но это другая сторона. А я говорю о самой школе: из учителя сделали чёрт-те кого, бегуна на дистанцию в один учебный год. Летом чуть отдышишься - и опять...

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Что же мешало-то?

ПЛАТОНОВ. Мешало? Ненужная работа: совещания, заседания, педсоветы всякие, вечные комиссии из роно, гороно и так далее. Я этих представителей из "оно" боялся, как огня. Чиновники от просвещения. Сами ни хрена не смыслят в педагогике, а едут проверять да ещё всякие глупые советы дают. Замордовали учителя. Не говоря уж о том, что материально мы чуть не хуже всех обеспечены.

ГОГА. Так что ж, с этага и пыт начал?

ПЛАТОНОВ. Не только... Дома ещё плохо стало... Жена злится: что ты всё в школе да в школе, дома не бываешь, а придёшь - за книжки. А ведь по-другому нельзя. Мне и читать нужно, и писать хотелось. Я уж было начал книжку писать - по истории географии края. Всё по боку. Я работать, а она - пилить...

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, положение сложное.

ПЛАТОНОВ. Я понимаю, она отчасти права. Нужно и по дому работать, помогать. Она ведь тоже целый день на работе. Но у неё другое дело: отсидит восемь часов в бухгалтерии - и домой. А дома дел - невпроворот. Вот и крутится, как белка в колесе. Я понимаю: ей тоже трудно...

ГОГА. А далшэ как была?

ПЛАТОНОВ. Отвыкать я от дома стал. Не хотелось туда идти. Друзей завёл. Сначала заходили друг к другу. Потом, когда жёны стали гонять, собирались в кафе, потом на улице, в сквериках. Выпьем, закусим кое-чем - и сразу на душе легко. Домой придёшь, жена ругает, а тебе уже всё равно...

ГОГА. Чудной вы народ - русские. И жыт с жёнамы нэ умээтэ, и пьётэ нэ в мэру. Так сэмья нэ будэт. Адна нэпрыятнаст. Ты, Юра, давай канчай всо эта, вазвращайса к женэ, а патом на работу. Панял?

ПЛАТОНОВ. Нет, Георгий, ничего не получится.

ГОГА. Пачэму так?

ПЛАТОНОВ. Не вернусь никогда... Из-за принципа... Она хоть и не виновата, а всё ж в душу плюнула своим отношением.

ГОГА. Как эта?

ПЛАТОНОВ. Вот так. Она - эгоистка. Не поняла она меня как человека. Ей

дороже было, чтобы она сама жила удобно, спокойно. А до меня ей было наплевать сто раз. Разве она не видела, как я должен жить, что должен делать? Видела и знала прекрасно. Может, и понимала, только своя рубашка ближе к телу.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Это точно, Гога, он прав. Здесь не скажешь, чья вина больше. Даже суд не определит. Его дело - назначить алименты - и всё. А суд совести - дело личное. Юра виноват, что не сумел сохранить семью. Но он не виноват, что всё так кончилось.

ГОГА. Нэ пайму я вас, что вы гаварытэ такое.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, не поймёшь - и не надо. И не нужно стараться понять. Дай бог, чтобы тебе с этим же не встретиться. Вот Феде, возможно, ещё и придётся.

ГОГА. Да он гаварыт, у них с дэфкамы-та савсэм плоха. Куда уж тут да жэны. Так и будэт всю жызн с прэдсэдатэлэм ваэват, да ешо са сваым трактарам.

ФЁДОР. Ну, это ещё посмотрим. Вот пойду в армию - и не вернусь. После армии хоть куда можно уехать, в любой город. Там и женюсь.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. А хочется уехать-то?

ФЁДОР. Честно говоря, не очень. На кой ляд? Заработок у меня хороший. Правда, почти весь пропиваю. Был бы женат - не пропивал. У нас пьют в основном молодые - со скуки. Наломаетесь за день, а вечером другое мучение - не знаешь куда себя деть. Вот и поддашь.

ПЛАТОНОВ. Да ведь есть же у вас клуб, библиотека?

ФЁДОР. Есть, конечно. Только там неинтересно. И опять же, вкалывать надо там, в драмкружке или ещё где. А тут проще: выпил, закусил - весело стало. На мотоциклы - и в район, к девкам. Будет что вспомнить.

ПЛАТОНОВ. Да, будет. Мало ли вас таких поразбивалось по дорогам - ездоков-то.

ФЁДОР. А и хрен с ней, с жизнью-то. Не жалко. Чего её жалеть, проклятую?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Вот даёт! Не пожил ещё как следует, а уже не жалко.

Быстро ты.

ГОГА. Пыт мэншэ нада.

ПЛАТОНОВ. Чем же жизнь-то тебе не угодила?

ФЁДОР. А чем угодила? Паши с утра до вечера, а вечером отец пристаёт: косить надо, пилить надо, чинить надо. Чего уж лучше? Ты вот в городе отбарабанил день рабочий - и сам себе хозяин: хочешь лежи, хочешь сиди, хочешь гуляй. Так?

ПЛАТОНОВ. Допустим, хотя смотря у кого как, у иного бывает - ни выходных, ни проходных. Сплошной рабочий день.

ФЁДОР. Бывает, наверное. А вон наши бывшие деревенские приезжают, рассказывают, как живут. Позавидуешь.

ПЛАТОНОВ. Так ведь у вас в деревне-то красота, воздух, природа. Чудак ты человек. А в городе пыль, жара.

ФЁДОР. А что мне с неё, с красоты-то - каждый день одно и то же. Надоело смотреть.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну и как же всё-таки, Федя: поедешь куда или останешься дома?

ФЁДОР. А посмотрю, подумаю. Главное, жениться бы надо. Если бы вот жениться где, а потом с ней домой опять. Было бы в самый раз. Отец обещал и дом поставить, и всякое такое прочее. Руки есть, специальность есть - чего же ещё-то?

ГОГА. Толка гарадскую нэ бэры - намучаэшса. Ани вед нычэго нэ умэют. Толка наражаются да кныжкы читают.

ФЁДОР. Мне бы нашу, простую, да поработящее. У меня брательник из армии пришёл, привёз такую свиристелку - вся деревня хохотала. Она не то что корову там подоить или печь истопить - сготовить щи не умела. Он на работу, а она - на речку. Разголитса, книжечку в руки - и до обеда полёживает. Как на курортах. Брательник-то терпел, терпел, да и взашей её. А она ему: я, мол, и сама уж собиралась от вас. Скушно тут. Звала его, правда, в город, а он ни в какую.

ПЛАТОНОВ. Уехала, значит?

ФЁДОР. Уехала. Детей они не завели. Она не хотела. Говорит: я ещё молода, чтоб ограничивать себя материнскими заботами.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Выродки. Уж и рожать разучились.

ПЛАТОНОВ. Насчёт рожать разучились - ты зря, Серёжа. Не столько их вина здесь. Ты попробуй-ка иметь много детей да ещё и работать с утра до вечера. А не будешь работать - зубы на полку. Не у всех же мужья профессора да министры. Вот и крутятся. А мы, вместо того, чтобы помочь, бесимся: рожать не хотят. Сложное положение создалось, очень сложное.

ГОГА. Мая жэна тожа аднажды гаварыт: я работат пайду. А я эй: а ты что - нэ работаэш, крутышса с утра да вэчэра. Хочэш, чтобы в домэ началас вайна? Угаварыл, астыла.

ПЛАТОНОВ. Позавидовать можно. Конечно, кому хочется в четырёх стенах целый день сидеть. Ведь тоже человек, образование получают, а мы их - в домохозяйки. Но где выход?

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. А чёрт его знает, где он?

ФЁДОР */стукнул кулаком по столу/*. Не учить! Они, вон, иху мать, как десятилетку кончают - и только их и видели в деревне. На ферме работать некому. Опять же жениться надо, а не на ком...

ГОГА. Апят ты, кацо, за свае. Хочэш, я тэбэ дэвушку найду?

ФЁДОР. Где?

ГОГА. Здэс, в горадэ. В рынак, знаэш, сколка их прыходыт каждый дэн. Тысачы. И всэ ка мнэ стараются папаст. У мэна абрыкосы самыэ вкусныэ. Я тэбэ такую падбэру - палчыкы аблыжэш и спасыба скажэш.

ПЛАТОНОВ. Ладно, Георгий, не развращай парня. Нужны ему эти, которые там около вас околачиваются, делают вид, что покупают, а на самом деле... А ты, Федя, не печалься, всё образуется. Ты город уже рассмотрел?

ФЁДОР. Какое там. Я только что с поезда - и сразу сюда.

ПЛАТОНОВ. Вот и отлично. Мы сейчас с тобой пойдём погуляем. Я тебе покажу вечерний город. Это, брат, хорошо и красиво. Я здесь часто бываю, весь

уже изучил вдоль и поперёк.

Входит Горничная.

ГОРНИЧНАЯ. Ну-ка, друзья, выметайтесь на часок. Уборка будет.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Какая же вечером уборка, уважаемая. Убирать-то утром нужно, когда никого нет.

ГОРНИЧНАЯ. Ага, тебя не спросили, когда нам убирать. За вами убирать - дня не хватит. Ишь, нахавозили кругом. И опять бутылки, бутылки. Пьяницы чёртовы. Посмотрели бы на вас ваши жёны. Как из дому, так сплошная пьянка. Почуяли свободу, жеребцы стоялые.

ГОГА */хочет обнять её/*. Нэ ругайса, мылая. Илы муж нэ ласкаэт? А, можэт, и он гдэ-ныбут в гэстыиыцэ? Прыгласы в госты - успакою, как магу.

ГОРНИЧНАЯ. Я вот тебя сейчас успокою веником...

ГОГА. Ай, ай, какой злой жэншына. У нас нэт таких. У нас жэншына добрый. Знаэт, как нада уважат мушину.

Платонов и Фёдор уходят.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ. Я не буду мешать. Я заберусь на кровать. Что-то устал сегодня. Целый день бегал. А ты, Гога, уходишь, что ли?

ГОГА. Груз должен прыдты самалотам. Пайду встрэчу да пэрэвэзу на места. */Уходит/*.

ГОРНИЧНАЯ */собирает посуду из-под вина/*. Вот пьют. Как лошади. И откуда только деньги берут.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ */уже засыпает/*. А на командировочные... два шестьдесят в сутки... да аванса возьмёшь немного... откуда ещё-то?

ГОРНИЧНАЯ. Ладно уж, спи, спи... */продолжает уборку, поглядывая на спящего/*.

Гаснет свет. Проектор высвечивает телетайп у левого портала.

Разговор по селектору:

ГОЛОС. Доложить о готовности к проведению операции.

ГОЛОС. Первый район. Докладываю: к проведению операции готов.

ГОЛОС. Второй район. Докладываю: к проведению операции готов.

ГОЛОС. Третий район. Докладываю: к проведению операции готов.

ГОЛОС. Четвертый район. Докладываю: к проведению операции готов.

ГОЛОС. Пятый район. Докладываю: к проведению операции готов.

ГОЛОС. Шестой район. Докладываю: к проведению операции готов.

ГОЛОС. Доклад принят.

(Окончание следует)